

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГ О МАЯКОВСКОМ

На одном из заседаний, где обсуждались книги о Маяковском, Виктор Шкловский заметил, что завязавшийся спор напоминает ему футбольный матч в маленьком провинциальном городке. Игроки ожесточенно сражаются, азарт растет, а мяч уже давно украден и унесен с поля. Замечание это отчасти справедливо. Слишком многое из сказанного на дискуссии не имеет ничего общего с предметом вопроса, а в предпоследний вечер — о главном, о Маяковском — и вовсе почти перестали вспоминать. На заключительном вечере дискуссии уже больше говорили по существу вопроса.

Но мнения были так разноречивы, оценки подчас так субъективны, пристрастия и антипатии так очевидны, что дискуссировали не только ораторы, но и весь зал. Из разных углов, с балконов, из президиума неслись реплики, вспыхивали аллюдиоменты, раздавались возгласы одобрения или порицания.

Выступали люди разных литературных поколений, от Крученых — бывшего автора и проповедника заумной поэзии, от Лебедева-Кумача и Фадеева — писателей, много лет работающих в советской литературе и ею рожденных, до Коваленкова — молодого советского поэта.

Естественно, что позиции ораторов были очень различны, и в этом — большой интерес дискуссии.

Много лет Крученых был близок с Маяковским. Однако еще на прежних вечерах участники дискуссии говорили, что личная близость к великому поэту не дает абсолютной гарантии правильного его понимания. И выступление Крученых подтвердило это.

Речь Крученых в общем свелась к попыткам доказать, что футуристов до сих пор не поняли и не оценили, а Маяковский футуристом был и многому научился у футуризма, в том числе у Хлебникова. Первая часть его речи была путанной и бездоказательной, а вторая — аргументацией не требовала. Всем известно, что Маяковский был связан с футуристами и, как правильно заметил потом т. Фадеев, это несколько для него не позорно. Но т. Крученых ничего не сказал о том, как Маяковский перешагнул через футуристов, перерос одного из своих учителей, Хлебникова, как соединил с большими социальными задачами революции ломку старой и созидание новой поэтической формы. В выступлении т. Крученых чувствовалось лишь желание оправдать самодовольные формалистические упражнения поэтов, шедших некоторое время рядом с Маяковским.

Вслед за т. Крученых выступил т. Перцов. И тут еще раз стало ясно, насколько неоднородным было окружение Маяковского и насколько различен подход к творчеству великого поэта у близких его товарищей.

Речь т. Перцова была тщательно продуманной и интересной. Он начал с вопроса о том, кто влиял на Маяковского. Его учителями были Хлебников и Бурлюк, Крученых и Блок, А. К. Толстой и Уитмен.

— И однако, — продолжает т. Перцов, — нельзя определить удельный вес каждого влияния, расщепить в этом смысле творчество Маяковского, разложить на составные части то, что неразложимо. Указав на длинный ряд учителей, т. Перцов перешел к основному вопросу: кем же порожден Маяковский? Очень страстно и убедительно он доказывает, что хотя футуризм в течение какого-то времени играл большую роль в творчестве Маяковского, но рожден был Маяковский революционным подъемом рабочего движения. И самым важным для формирования Маяковского, как поэта нового типа, было влияние Горького.

Следующая часть речи т. Перцова была посвящена тому, как понимаются традиции Маяковского некоторыми близкими ему поэтами. Каковы же эти традиции?

— Это традиции социальной лирики. Маяковский всем своим творчеством зовет советских поэтов давать синтез общественного и личного.

— Это то, что можно назвать жанровым многообразием; переход от большого жанра к малому и от малого к большому, то есть необыкновенная мобилизационная готовность.

— Это творческое отношение к слову. Но одно дело — традиции, другое дело — направление Маяковского в области формы. Асеев, по мнению т. Перцова, бесспорно продолжающий самобытно традиции Маяковского, с точки зрения направления, однако, стоит ближе к Хлебникову.

Иначе обстоит дело с поэзией Кирсанова. Вся работа его построена на культивировании отдельных приемов Маяковского, преимущественно каламбура. Но если насаждать культуру отдельных приемов Маяковского, не соединяя их с сущностями Маяковскому революционным чувством, революционной мыслью и революционным образом, то можно притти, как это случилось с Кирсановым, к функционалке, а часто и к простому подражанию.

— Маяковский популярен в народе гораздо больше, чем в среде литераторов, — говорит в заключение т. Перцов. — В последнее время, правда, он приобретает все больше друзей и из числа писателей. Но есть литераторы, к ним т. Перцов относит С. Трегуба, которые любят Маяковского какой-то ревнивой любовью, которых больше всего тревожит, как бы слава других поэтов не нанесла ущерба Маяковскому.

Зал с интересом слушает эту часть выступления т. Перцова, ибо все еще помнит недавнюю статью т. Трегуба, в которой он упрекал некоторых молодых поэтов в том, что уровень мышления в их произведениях на много ниже, чем у Пушкина в «Памятнике» и у Маяковского в поэме «Во весь голос».

— Для т. Трегуба, — говорит т. Перцов, — Маяковский — явление одинокое. Он совершенно не чувствует Маяковского, как часть великого искусства, в ряду Толстого, Репина, Рембрандта. Тов. Трегуб старательно доказывает, что Маяковский писал лучше, чем пишут теперь. Это положение в доказательствах не нуждается, но им нельзя оперировать, когда критикуешь современников. Разве можно чему-нибудь научить Шипачева, процитировав его стихотворение о снежинке, а заявив, что «Во весь голос» снежинке лучше? Да ведь это естественно, свет еще не видывал такого произведения,

как «Во весь голос»! Когда из любви к Маяковскому, — продолжает т. Перцов, — критик не хочет замечать роста новых людей, может показаться, что у критика нет желания помочь растущему поэту.

Полемике с т. Трегубом с большим жаром подхватывает А. Коваленков.

— Что же плохого в том, что Шипачев лирик? — спрашивает т. Коваленков. Что плохого в том, что его стихи напоминают романсы? Разве сам Маяковский не был целым оркестром, а не только одним инструментом, да при том, как кажется Трегубу, барабаном? Маяковский был лириком, но Маяковский был и публицистом. Повторять его и подражать ему — значит стоять на месте. Нужно продолжать его, нужно найти ключ к основам эстетики Маяковского. Но если критик, по примеру т. Трегуба, превратит Маяковского в жушел для молодых поэтов, добра советской поэзии от этого не будет.

Отсюда т. Коваленков возвращается к возникшим на предыдущих собраниях спорам о направлениях в современной советской поэзии. Он несогласен с той оценкой, которую дал т. Фадеев творчеству Алтаузену, ему, в частности, нравятся последние поэма Алтаузену «Пробуждение героя». Но т. Коваленков удивляется, что Алтаузен, Жаров и Сурков претендуют на то, чтобы представлять собой определенное направление в области поэзии, имеющее лидера в лице т. Лебедева-Кумача.

Тов. Коваленкова сменяет на трибуне т. Лебедев-Кумач. Он говорит о том, что с его точки зрения дискуссия, развернувшаяся вокруг книг о Маяковском, не дала ответов на вопросы. Она ушла в сторону с того момента, как т. Фадеев начал говорить о направлениях в современной поэзии. Поэтому и т. Лебедев-Кумач не говорит о вопросах, связанных с книгами о Маяковском. Он подвергает резкой критике речь т. Фадеева и его деятельность как секретаря президиума Союза писателей. — Для т. Фадеева, — говорит т. Лебедев-Кумач, — стала привычной раздача эпитетов «крупный», «крупнейший», «самый крупный» и т. д. Вряд ли это может помочь росту советской литературы.

Тов. Лебедев-Кумач бросает упрек т. Фадееву в том, что в своем выступлении он ограничился характеристикой только трех-четырех поэтов и оставил вне поля зрения огромное количество людей, много и плодотворно работающих в литературе. Тов. Лебедев-Кумач приводит длинный список имен, называет конкретные работы, которыми заняты эти товарищи. Да и упомянутые Фадеевым тт. Жаров, Алтаузен сделали за последнее время много и в оригинальном творчестве и в области перевода.

Дискуссия подходит к концу. На трибуне — т. Фадеев, выступающий во второй раз.

— Итак, еще раз о Маяковском и о книгах, посвященных Маяковскому, — говорит т. Фадеев, вызывая этими словами одобрение зала, ибо присутствующих действительно интересует прежде всего тема дискуссии.

— Что в Маяковском обязательно для нас? — спрашивает т. Фадеев. — Какие черты Маяковского должны характеризовать нас, советских литераторов?

— Базовое служение делу коммунизма.

— Постоянная связь с задачами современности, умение в конкретной, повседневной обстановке найти и выразить глубокое и вечное.

— Изумительная работа над формой. Это в целом и создает облик того поэта и писателя, который нужен нашей эпохе.

Дискуссия, по мнению т. Фадеева, принесла большую пользу, ибо она разрешила многие вопросы, в том числе вопрос о Маяковском и футуризме, о традициях Маяковского, о принципах, по которым будут создаваться направления в области формы.

Еще и в наших условиях существует много людей, в частности среди тех, кто работал с Маяковским, которые не могут донести до сознания молодого поэта простую истину — если поэт не будет писать о нашей жизни, о нашей борьбе, о наших людях, об их отношениях и об их чувствах, ему не поможет никакая форма, он погибнет и как поэт. Дискуссия с этой точки зрения ударила по формализму. — Но есть другая категория людей, — говорит т. Фадеев, — которая боится самого слова «форма». Почему они этого боятся? Потому, что они не хотят работать серьезно.

— Можно переменить сколько угодно президиумов, сменить любое число руководителей, но это не спасет поэтов, если они не работают над словом, формой, — говорит т. Фадеев при общем одобрении.

Заключительное слово произнес основный докладчик т. Тимофеев. Он указал на то, что в процессе дискуссии очень мало и скупо был освещен один из вопросов, без которого нельзя вообще ставить проблему поэзии, — роль человека в литературе. Символисты и некоторые писатели-реалисты уходили от человека в сторону; футуристы проблему человека решали очень своеобразно, протестуя против унижения человека в эпоху капитализма, но ограничиваясь этим. Маяковский же внес новое в эту проблему. Он нашел в человеке социалистические черты и превознес их.

— Вот в этом смысле, — говорит т. Тимофеев, — и должны идти разговоры о советской поэзии, в плане отыскания в современной литературе нового человека.

Кончились ли споры заключительным словом т. Тимофеева? Нет, конечно. Тов. Вишневский, закрывая заседание, сказал, что они найдут свое продолжение в труде, в литературе, в печати. Это верно. Но из дискуссии, помимо самого существа вопроса, можно извлечь много полезного и для практической работы Союза писателей.

Президиуму Союза писателей нужно справиться с тем мелким, личным, наносным, что привносится в дискуссию. Нужно научиться различать спорное от демагогического, и в процессе руководства дискуссией это наносное сразу же отбрасывать. Если б это обязательное условие было соблюдено, дискуссия, о книгах, посвященных Маяковскому, была бы много плодотворней.